

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В МИРЕ

Проблемы политической стратификации очень актуальны, так как происходящие изменения в современном мире свидетельствуют о стратификационном неравенстве. Политическая стратификация обусловлена социальной. Социальная стратификация (от лат. *stratum* – слой и *facio* – делаю) – понятие, означающее систему признаков – критериев социального расслоения, неравенства в обществе. Это понятие характеризует ту постоянно существующую асимметрию в отношениях групп, которая структурирует общество, но всегда является результатом конкретных социально-экономических и иных общественных отношений в конкретной стране. Как писал В. Парето, «изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах» и даже тех, которые «провозглашали равенство людей». По мнению П. Сорокина, «в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние – стихийно, импульсивно, используя насильственные методы»¹. Таким образом, в социальном процессе налицо элементы стратификации и выравнивания.

Применительно к политической стратификации П. Сорокин резюмирует²:

1. Высота профиля политической стратификации изменяется от страны к стране, от одного периода времени к другому.
2. В этих изменениях нет постоянной тенденции ни к выравниванию, ни к возвышению стратификации.
3. Не существует постоянной тенденции перехода от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства, от отсутствия правительственного вмешательства в жизнь общества к всестороннему государственному контролю. Нет также и обратных тенденций.
4. Среди множества общественных сил, способствующих политической стратификации, большую роль играет увеличение размеров политического организма и разнородность состава населения.
5. Профиль политической стратификации подвижнее, и колеблется он в более широких пределах, чаще и импульсивнее, чем профиль экономической стратификации.

6. В любом обществе постоянно идет борьба между силами политического выравнивания и силами стратификации. Иногда побеждают одни силы, иногда верх берут другие. Когда колебание профиля в одном из направлений становится слишком сильным и резким, то противоположные силы разными способами увеличивают свое давление и приводят профиль стратификации к точке равновесия.

Существуют оценки стратификации как иерархических связей между группами в государственном управлении. Критерии стратификации ранжируются по разным основаниям: правовым, культурным, политическим. В результате ослабления, а подчас и разрушения социальных привязанностей людей к традиционным общественным группам «они становятся свободными от социальных форм индустриального общества – класса, семьи, слоя, обусловленного полом положения мужчины и женщины». Причем, как было отмечено исследователями, такие социальные подвижки, новые социальные дифференциации людей коррелируют и с рядом устойчивых тенденций в политической жизни, например, с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей. Это порождает тенденцию учета различия по степени властного могущества и влияния (по возможности прямого или косвенного воздействия на принятие управленческих решений).

Как показали исследования, если групповые перемещения в области социально-экономических отношений не превышают привычных для общества показателей, т. е. совершаются в естественных для общества пределах, то это обходится без существенных политических потрясений. Если же экономические изменения приобретают резкий и скачкообразный характер, то политическая стабильность подвергается сильнейшему давлению, а отдельные демократические режимы могут и погибнуть. Значит, независимо от уровня экономического развития демократические страны должны последовательно стремиться к постепенному уменьшению неравенства в доходах.

Негативные последствия социальной мобильности усиливаются в государствах, переживающих распад доминирующих социальных ценностей (аномию), особенно в тех случаях, когда социальная стратификация жестко ограничивает возможности ов-

ладения символами общественного успеха (Р. Мертон). Наибольшая политическая напряженность возникает, как правило, в тех странах, где власти создают искусственные возможности для изменения социальных иерархий.

Политическая стратификация осуществляется повсеместно, но не всегда она идентична. По утверждению П. Сорокина, действуют в стратификационном процессе две тенденции: тенденция к политическому равенству и к уничтожению иерархии³. Стратификация изменяется во времени и в пространстве; на нее влияют:

- 1) размер политической организации; чем больше размер, тем выше рост стратификации;
- 2) биологическая, психологическая и социальная однородность населения⁴.

Политическая стратификация разнообразна. Исследование социальной стратификации методом самооценки в 17 странах Европы и Северной Америки и в России позволяет сравнить «среднеарифметическую» структуру этих стран и нашей страны: низший класс – 10,1 % (18,0 % в России), нижний средний класс – 23,5 (30,4), средний – 58,9 (48,8), верхний средний – 7,5 (2,8). Очевидно, что Россия заметно отличается доминированием низкостатусных стратификационных слоев от других стран, где от 60 % и более приходится на долю среднего класса. По объективным критериям, на долю среднего класса в России приходится 10–15 %.

Что касается социального неравенства в США, то на 1 % американцев в 2005 г. пришлось 21,2 % всех заявленных доходов. Это самый высокий показатель за всю послевоенную историю. В 2004 г. на 1 % богачей приходилось лишь 19 % всех доходов.

Как пишет The Wall Street Journal со ссылкой на данные Налогового управления США, рост этого показателя сопровождается ростом неравенства в стране. В качестве возможных причин исследователи называют технологические изменения в жизни людей, глобализацию, а также коммуникационный прорыв, позволивший богачам заработать еще больше денег.

Предыдущий послевоенный рекорд доходов богатейшей части населения Соединенных Штатов, 20,8 % от общей суммы, был установлен в 2000 г., в разгар беспрецедентной биржевой активности, завершившейся позже крахом дотационных комитетов.

Кроме того, из отчета следует, что беднейшая половина американцев получила в 2005 г. всего 12,8 % всех доходов. В 2004 г. на них приходилось 13,4 % средств.

США и Израиль являются лидерами по масштабам социального неравенства.

Израиль занимает второе после США место в мире по масштабам социального неравенства. Данный вывод был сделан на основе исследования, проведенного специальным правительственным комитетом, целью которого было проанализировать рост социальных различий в обеих странах под воздействием глобализации и технического прогресса на протяжении последних 20 лет. Как показало исследование, разрыв между бедными и богатыми наиболее явно виден по размерам капитала, сосредоточившегося в руках финансовой и политической верхушки стран. Так, на счетах 10 % состоятельных граждан страны накопилось 172,1 млрд долл., в то время как капитал оставшихся 90 % населения оценивается лишь в 73,1 млрд долл. При этом, исходя из данных Центрального бюро статистики и Национального страхового института, число бедных детей в Израиле выросло за последние 14 лет на 50 %, а количество бедных семей увеличилось на 30 %.

По мнению представителей комитета, корни проблемы следует искать в низких ростах ВВП на душу населения, относительно небольшом объеме мужской рабочей силы и высоком уровне безработицы среди граждан этих стран при большом числе иностранцев, занятых в рабочей среде.

Международный комитет потребителей, учрежденный компанией AMD, опубликовал исследование «Карта цифрового расслоения», в котором сравниваются и обобщаются данные по «цифровому расслоению» – разрыву между теми, кто имеет доступ к информационным и телекоммуникационным технологиям и может их использовать, и теми, кто не имеет такой возможности.

По результатам исследования, «цифровое расслоение» сокращается в США, однако во многих других странах (прежде всего, в развивающихся) происходит его стагнация или даже расширение.

Хотя уровень доступности Интернета возрос экспоненциально за последние 10 лет (от менее, чем 1 млн пользователей в 1993 г. до 600 млн в 2002 г.), всего около 10 % мирового населения подключено к Интернету. Почти 90 % пользователей Интернета в мире – жители развитых стран, и почти треть из них – из США.

Вместе с тем зафиксировано отставание США от других развитых стран по нескольким из показателей использования информационных технологий. Так, Япония является мировым ли-

дером в сфере мобильного доступа в Интернет, а Южная Корея опередила всех в сфере широкополосного доступа. Авторы исследования приходят к выводу, что неравномерная доступность Интернета не только определяется социальными факторами, но и в свою очередь влияет на социальные отношения. «Цифровое расщепление» наиболее проявляет себя на пересечении международных и национальных социальных, технологических и языковых различий, и поэтому само по себе является фактором, влияющим на углубление социального неравенства.

Последние разработки и исследования социологов подтверждают все возрастающее стратификационное неравенство в американском обществе. В первую очередь, это связано с появлением так называемых мегамеганов — крупных корпораций, которые в своей деятельности не ограничиваются какой-либо одной сферой. Владельцы таких компаний устанавливают монополии на рынках, препятствуя таким образом развитию рыночных отношений. В пример можно привести Билла Гейтса или Дональда Трампа. Последний еще к тому же является ярким примером того, как можно зарабатывать миллионы с помощью лишь только использования новых технологий.

Космическая скорость, с которой растет техническое оснащение человечества, однако, не может обеспечить его доступность для всех жителей. Поэтому наряду с теми, кому доступны многие технические новинки и виртуальные инновации, многие жители США не могут позволить себе элементарное пользование Интернетом.

Положение, которое США занимают сегодня на мировой арене, сформировалось на протяжении длительного времени.

Оказавшись с началом «холодной» войны в положении самого могущественного в «западном» мире государства, Соединенные Штаты нуждались в создании такого международного правопорядка, который обеспечивал бы их интересы и в то же время закреплял за ними образ «доброжелательного лидера». В период после Второй мировой войны США были заинтересованы в стабильности и законности, которые обеспечивало международное право.

Если в «Стратегии национальной безопасности» 1998 г. говорилось о «формировании международной среды», то в ее редакции для администрации Клинтона (2000) речь шла уже о «создании новой международной системы, продвигающей мир, стабильность и процветание». Яркими примерами практической

реализации обозначенной стратегии стали важнейшие внешне-политические инициативы США 1990-х гг. — расширение НАТО, создание НАФТА и ВТО. Современный экономический кризис усилит стратификационные процессы в мире.

Примечания

1. *Сорокин П. А.* Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302–373. (Мыслители XX века).
2. Там же.
3. Там же. С. 1.
4. Там же. С. 16.

МЕТЁЛКИНА Л. Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ С МЕСТНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЭЛИТАМИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Время путинских перемен серьезно изменило конфигурацию российской власти, переместив региональные элиты на периферию политического процесса. В итоге, по сравнению с ельцинской эпохой, позиционирование региональных элит в пространстве федеральной политики существенно трансформировалось. В 90-е годы вес региональных элит был сопоставим с политическим весом политиков федерального уровня. Более того, политические ресурсы российской региональной власти были таковы, что никакие другие общественные институты или структуры в регионе и в Москве, даже на уровне федеральной власти, не могли предъявлять им свои требования с позиции силы.

Для Б. Ельцина и его команды было важно учитывать субъектную структуру регионального политического пространства, особенности функционирования региональной власти. Для них это было необходимым условием успешности политики федерального центра (как в рутинных вопросах, так и в случае стратегических решений). При этом контроль со стороны федерального центра был существенно снижен и, соответственно, степень автономности регионов, возможность региональных элит влиять на политические решения, принимаемые в центре, были весьма существенны¹.